

Сарангаева Ж.Н. Аллегорическое осмысление концепта «перемещение»...

14. Pisanko N.G. Funktsional'naya rol' kommunikativnykh sredstv v teatral'nykh interpretatsiyakh p'esy A.P. Chekhova "Vishnevyyj sad": [diplomnaya rabota]. M., 2015.
15. Chalova O.V. Kommunikativnye sredstva sozdaniya akterskogo ansambla Tabakova – Bogatyreva v k/f "Neskol'ko dnej iz zhizni Il'i Il'icha Oblomova" (1979) // Mir russkogo slova. 2016. № 3. S. 72–79.
16. Chalova O.V. Esteticheskaya funktsiya sredstv kommunikativnogo urovnya russkogo yazyka (na primere obrazov, sozdannykh O. Efremovym, O. Tabakovym i A. Kalyaginym): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2006. 27 s.

DOI: 10.25586/RNU.V925X.19.02.P.087

УДК 81.23

Ж.Н. Сарангаева

АЛЛЕГОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
КОНЦЕПТА «ПЕРЕМЕЩЕНИЕ» В КАЛМЫЦКОЙ, РУССКОЙ
И АНГЛИЙСКОЙ ПАРЕМИИ

Описываются аллегорические характеристики концепта «перемещение» на материале калмыцких, русских и английских паремий. Выявлено, что идея перемещения у калмыков связана с кочевым образом жизни в прошлом. Установлена важная роль кочевья как социально-исторического феномена в формировании оригинальной лингвокультуры. Рассмотрена исключительно положительная коннотация данного концепта в лексике и паремиологии. Установлено, что кочевье характеризует мировосприятие калмыков-ногадов, символизирует достаток и благополучие. Проанализирована неоднозначность оценки понятия «перемещение» в русской и английской лингвокультурах, как положительной, так и отрицательной, связь этой неоднозначности с внутренними и внешними условиями существования данных народов.

Ключевые слова: аллегория, концепт, перемещение, паремия, калмыцкий язык, русский язык, английский язык, лингвокультура.

Zh.N. Sarangaeva

ALLEGORICAL INTERPRETATION
OF THE CONCEPT "MOVEMENT" IN KALMYK, RUSSIA
AND ENGLISH PAREMIA

The allegorical characteristics of the concept of "movement" on the material of the Kalmyk, Russian and English paremias are described. It has been revealed that the idea of moving among Kalmyks is connected with a nomadic way of life in the past. The important role of nomadic societies as a sociohistorical phenomenon in the formation of the original linguoculture has been established. Only the positive connotation of this concept in vocabulary and paremiology is considered. It has been established that the nomad characterizes the worldview of the Kalmyk nomads, symbolizes wealth and well-being. Analyzed the ambiguity of the assessment of the concept of "movement" in the Russian and English linguistic cultures, both positive and negative, the connection of this ambiguity with the internal and external conditions for the existence of these peoples.

Keywords: allegory, concept, movement, paremia, Kalmyk language, Russian, English, linguistic culture.

Аллегория представляет собой иносказательное обозначение определенной идеи. В отличие от других семиотических знаков (например, символа) аллегория допускает только одно прочтение, один вариант интерпретации [4, с. 83]. Обиходные аллегории проявляются прежде всего в пословицах и поговорках, важнейшая особенность которых заключается в образной иллюстрации смысла.

Цель данной работы заключается в описании аллегорического представления концепта «перемещение» и его эквивалентов в калмыцкой, русской и английской лингвокультурах.

Во многих культурах данный концепт рассматривается как одна из наиболее значимых областей человеческого бытия. Наряду с такими категориальными понятиями, как «время» и «пространство», «перемещение» определяется как форма существования материального и духовного мира.

В истории калмыцкого народа перемещения связаны с кочевым образом жизни, который в прошлом составлял основу традиционного хозяйственного уклада и социальной организации калмыцкого народа. Основным видом хозяйственной деятельности калмыков было полукочевое скотоводство, подразумевавшее кочевание в течение весны, лета и осени.

Наличие и выращивание домашнего скота имело огромное значение для номада. Во многих калмыцких пословицах отмечается, что скот является источником жизни: *мал болхла – махта* (иметь скот – иметь мясо); *мал төжэхлэ амн тоста* (если ухаживаешь за скотом, так и рот будет в масле) [7, с. 569–570]. Уход за скотом требует большого труда и усилий: *малта күрнә орнъ шөвг, мал уга күүнә орнъ бул* (у человека, имеющего скот, постель – шило (т.е. он лишен покоя), у человека, не имеющего скота, постель – пух (т.е. он беззаботен) [Там же].

С помощью упоминания *мал* (калм. – скот) подчеркивается мировоззрение кочевника. Например, пословица *мал күн хойрин амн холватад* (души человека и скотины неотделимы), с одной стороны, указывает на существование скота как основы жизни, а с другой – на гармонию номада с окружающим миром.

В отличие от других монгольских народов калмыки держали четыре вида скота: лошадь, верблюда, овцу и корову. В фольклоре отмечается большое количество паремий с обозначением этих домашних животных, отражающих ценностные установки и представления народа. Например, через наименование этих животных подчеркивается особая значимость человека в обществе: *төмә унсн күн төңгрт шидр* (человек, едущий верхом на верблюде, близок к небу). В архаических представлениях тюрко-монгольских народов верблюд осмысливается как солнечное животное, громовержец, связанный с верхним миром. Данная пословица аллегорически подчеркивает взаимосвязь миров, связь человека с Вечно Синим Небом [8, с. 170].

Наиболее почитаемым животным в калмыцкой лингвокультуре является лошадь. В паремиях она олицетворяет жизненную энергию и силу: *мөртә күн жүвртәлә эдл* (у кого конь, у того и крылья); *эр залуңин чеекжәд эмәлтә хазарта мөрн багтна* (в душе настоящего мужчины умещается конь с седлом и уздой); *мөрн үүгүү бүргд көргнүү шулуңар күүч* (лошадь быстра – и дело продвигается). Лошадь олицетворяет благоприятный исход дела, удачу: *мөрн үүгүжәнә* (ему сопутствует удача) (букв. его лошадь бегает) [5, с. 32].

Через наименование лошади аллегорически выражается смена социального статуса человека. Фразеологическое выражение «сесть на лошадь» означает «выходящую замуж девушку» (со слов информанта).

Сарангаева Ж.Н. Аллегорическое осмысление концепта «перемещение»...

У калмыков не принято разводить коз, поэтому их выращивание воспринимается как знак бедности и нужды: *бээхтэ цагт – темэ өскдэ, угарх цагт – яма өскдэ* (когда богатеют – разводят верблюдов, когда беднеют – разводят коз); *мөнгн чилхлэ – ша-альг болдг, мал чилхлэ – ишик болдг* (деньги кончаются – остается одна мелочь, скот кончается – остается лишь козленок) [7].

В широком смысле кочевой образ жизни связан с познанием окружающего мира, стремлением к самосовершенствованию. В калмыцких пословицах говорится: *орн deer кевтсн өвгнэс ор эргсн көвүн* (чем старик, привыкший лежать на кровати, лучше юноша, странствующий по свету); *аавин бийд ку тань, агтин бийд назр тань* (при жизни отца познавай людей, с хорошим конем познавай землю).

Элементы кочевого бытия отражены во всех сферах жизни калмыков. Так, символом упорядочения бесконечного кочевого пространства выступает круг, наделенный сакральной символикой. Жилище (кибитка), расположение кочевья, основные предметы быта (например, утварь) имеют круговую форму, напоминающую объекты культа: Землю, Солнце и Луну. Этим предметам кочевники придавали большое значение. В частности, в обиходе строго следили за целостностью посуды. Запрещалось хранить посуду с отломленными краями, трещинами, так как, по поверью, она могла принести несчастье членам семьи. Данная примета подтверждается в пословице «ягненок, родившийся осенью, еще не овца, а разбитая чаша не посуда» (об избегании беды).

В русской и английской лингвокультурах идея перемещения имеет иную оценку. Передвижение в истории этих народов всегда играло заметную роль, однако оно не похоже на перемещения классических кочевников.

В русских паремиях выражается мысль о том, что перемещения и отправления в путь связаны с нарушением устойчиво-

го быта. Семантика дороги в паремиях часто противопоставляется семантике дома. Исследование показало, что концепт «дом» обладает обширной коннотативной зоной, включающей эмотивный идеологический и ассоциативный компоненты.

В паремиях дом выступает прежде всего как символ защиты: *хоть не пышно, да затишно; свой уголок – свой простор; свой дом – свой дворец*. В родном доме человек обретает внутреннюю уверенность, покой: *своя хатка – родная матка; незачем далеко – и здесь хорошо; всякий кулик хвалит свое болото*. Понятие «дом» ассоциируется с понятием родины: *всякому мила своя сторона; своя земля и в горсти мила* [3].

В английском языке важность дома подчеркивается в следующих паремиях: *every dog is a lion at home* (каждая собака в доме – лев); *every bird likes its own nest* (каждая птица любит свое гнездо); *the wider we roam, the welcomed home* (чем дальше мы скитаемся, тем благосклоннее мы дому) [1, с. 22, 24].

В русской и английской лингвокультурах значение дома, домашнего очага представлено в многочисленных образах. В русских паремиях связь с домом сравнивается с отношением к матери: *береги землю родимую, как мать любимую; Родина – мать, чужбина – мачеха* и т.д. В английских паремиях привязанность к домашнему очагу аллегорически выражается с помощью наименования пищи: *dry bread at home is better than roast meat abroad* (сухой хлеб дома лучше, чем жареное мясо за границей) (ср. рус. *дома и солома съедобна*).

Изолированность от внешнего мира также уточняется в обозначении отдельных элементов жилища: *родные стены; дома и стены помогают; чужие стены не греют; the walls at home are your friends, your comfort and your helping hands*. Аллегория очевидна: стены выполняют оградительную и защитную функцию, обозначают границу между внешним и внутренним мирами.

Отсутствие угрозы в пределах дома аллегорически подчеркивается с помощью зоонимической (в подполье и мыши геройствует; *every dog is valiant at his own door* (каждая собака храбра у собственной двери)) и орнитонимической лексики (и петух на своем пепелище храбрится; на своей улочке храбра и курочка; *a cock is valiant on his own dunghill* (на своей навозной куче и петух храбрец)).

В отличие от английского в русском языке присутствует большое разнообразие паремий с орнитонимическим компонентом. В пословицах упоминаются петух, ворона, кукушка, соловей и т.д.: *все по местам, как соловьи по гнездам; в своем болоте и лягушка поет, а на чужбине и соловей молчит; кукушка своего гнезда не вьет; на чужой стороне и орел ворона и т.д.*

В английской лингвокультуре значение дома выражается с помощью флоронимов. Аллегорическое высказывание *a tree often transplanted is never loaded with fruit* (не дает плодов то дерево, которое постоянно пересаживают) учит тому, что человек, не имеющий постоянного места жительства и родного дома, не способен устроить свою жизнь.

В другой пословице *a rolling stone gathers no moss* (катящийся камень мха не собирает/мхом не обрастает) слово *moss* (мох) имеет положительную коннотацию, олицетворяет добро и богатство. Отсутствие мха рассматривается как отрицательное явление. В пословице делается акцент на то, что не стоит бродить по свету, нужно сидеть дома и копить богатство (ср. *куму дома не сидится, том добра не наживет*).

Концепты «путь» и «дорога» в русской паремиологии рассматриваются в первую очередь как метафора гибели и смерти: *поезжай хоть куда – везде доля худа (одна); незнакомая дорога подобна яме; ни конному, ни пешему ни проходу, ни проезду; не хвались отъездом, хвались приездом; куда иного конь везет, туда бедняжку Бог несет.*

Опасность представляется отхожий промысел: *домашняя гривна лучше заезжего рубля*. Паремия *Ерема, Ерема, сидел бы ты дома да точил веретена* содержит идею о переоценивании человеком своих возможностей, сожалении об оставленном доме, а также пусть не о прибыльном, но стабильном способе получения дохода.

В английских паремиях подчеркивается, что отправление в путь может вызвать разочарование, связанное с ложными ожиданиями: *the grass is always on the other side of the fence* (трава всегда зеленее с другой стороны забора); *cows prefer on the other side fence* (коровы предпочитают траву на другой стороне); *distant pastures always look greener* (отдаленные пастбища всегда выглядят зеленее) [10, р. 316].

В то же время в русской и английской паремиологии отмечаются противоположные (обратные) реакции относительно перемещения. Как пишет Т.Б. Щепанская, «*русский – это движущийся народ с самосознанием оседлого*» [9, с. 8]. Процесс расселения и освоения новых территорий продолжается до сих пор. Ощущение широкого пространства и тесной связи с природой не могло не повлиять на ментальность русского человека. Подобное восприятие мира вылилось в понятия и представления, которые отсутствуют в других лингвокультурах.

Одним из ярких показателей национального характера является культурный концепт «*воля*», характеризующий отрицание каких-либо преград, стеснений, ограничений в поступках и поведении: *вольность всего лучше (дороже); воля вольная; не стерпела душа – на простор ушла; золотая клетка соловью не потеха; хорошо птичке в золотой клетке, а того лучше на зеленой ветке* [3].

В русских паремиях также отмечается, что перемещение в пространстве связано с поиском и приобретением нового опыта, знаний: *чужая сторона прибавит ума; на*

Сарангаева Ж.Н. Аллегорическое осмысление концепта «перемещение»...

людей посмотреть и себя показать; печка нежит, а дорожка учит. Подчеркивается, что дорога закаляет человека: и круты горы да забывчивы; поехал за море теленком, воротился бычком и т.д.

В английской культуре перемещения связаны с путешествиями. В мировой истории англичане известны как великие путешественники, которые легко передвигаются по миру в поисках новых открытий. А. Павловская отмечает, что в эпоху Елизаветы I путешествия молодых англичан в Европу всячески поощрялись государством и нередко финансировались, так как Англия нуждалась в образованных, знающих мир и широко мыслящих людях [6].

Тяга к путешествиям проявляется в первую очередь на лексическом уровне. В английском языке существует большое разнообразие слов для обозначения способов путешествия. Ю.И. Гурова выделяет следующие глаголы перемещения с общим значением «путешествие, странствие, скитание по суще субъекта в неограниченном пространстве»:

- *to travel* – путешествовать, двигаться, передвигаться, перемещаться;
- *to nomadize* – кочевать, странствовать с определенной целью, переходить, переезжать с места на место со своим жильем и имуществом;
- *to roam* – бродить, странствовать, скитаться, путешествовать, проводить время в странствиях, не имея постоянного места жительства, работы, дома, семьи;
- *to peregrinate* – долго ехать, долго идти, ходить, постоянно переходить, переезжать из одного места в другое;
- *to pilgrimage* – паломничать;
- *to rove* – скитаться, странствовать, бродить пешком далеко за пределы постоянного места жительства;
- *to stray* – блуждать, бродить, скитаться;

- *to saunter* – прохаживаться, прогуливаться, бродить;
- *to stroll* – скитаться, странствовать в поисках работы, давая представления (о бродячих актерах) [2, с. 75–76].

Путешествие постепенно становится неотъемлемой составляющей английского образования и предполагает приобретение определенных знаний, развитие навыков общения. В английских речениях подчеркивается: *he that travels far knows much* (тот, кто путешествует далеко, знает больше); *travel broadens the mind, and raises the spirits* (путешествия расширяют познания); *travel teaches how to see* (путешествие учит видеть); *untraveled youths have ever homely wits* (молодые люди, не знавшие путешествий, мыслят обыденно) и т.д. В английской лингвокультуре понятие «путешествие» символизирует жизнь: *life is a journey where the destination is unknown* (жизнь – это путешествие по маршруту, конечная точка которого неизвестна).

Таким образом, перемещение является одним из основных модусов человеческого бытия. В истории калмыцкого народа перемещения связаны с кочевым образом жизни, поиском свободных пастбищ для скота. В калмыцкой лингвокультуре данный феномен допускает однозначную интерпретацию. В калмыцких паремиях говорится о необходимости кочевания, являющегося главным средством существования, материального и духовного роста.

В русской и английской лингвокультурах идея перемещения получает амбивалентную оценку. С одной стороны, в паремиях подчеркивается, что перемещения подразумевают риск и лишения, поэтому необходимо совершать их только при крайней необходимости, с другой – перемещения в виде странствия и путешествия связаны с поиском новых возможностей для самореализации.

Литература

1. *Васильева Л.* Английские пословицы, поговорки, крылатые выражения. М.: Центрполиграф, 2004. 350 с.
2. *Гурова Ю.И.* Семантическая эволюция глаголов путешествия, странствия, скитания по сущему субъекта в неограниченном пространстве в английском языке // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2011. № 9 (11). С. 74–78.
3. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М.: Астрель, 2005. 735 с.
4. *Карасик В.И.* Лингвокультурная стилистика русских и китайских аллегорий // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / под ред. Н.В. Уфимцевой, В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 83–95.
5. Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов / сост. Г.Ц. Пюрбеев. Элиста: Калмыцкий НИИЯЛИ, 1971. 60 с.
6. *Павловская А.* Особенности национального характера, или За что англичане любят очереди // Вокруг света. 2003. № 6. URL: <http://double-decker.ru/english-character> (дата обращения: 26.02.2019).
7. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б.Х. Тодаева. Элиста: ЗАО НПП «Джангар», 2007. 839 с.
8. *Ханинова Р.М.* Образ верблюда в калмыцкой теме В. Хлебникова // Новый филологический вестник. 2018. № 2 (45). С. 167–175.
9. *Щепанская Т.Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.
10. *Mieder V.* Twisted Wisdom, Modern Anti-Proverbs. Vermont, 1998. 396 p.

Literatura

1. *Vasil'eva L.* Anglijskie poslovitsy, pogovorki, krylatye vyrazheniya. M.: Tsentrpoligraf, 2004. 350 s.
2. *Gurova Yu.I.* Semanticheskaya evolyutsiya glagolov putesthestviya, stranstviya, skitaniya po sushe sub"ekta v neogranichennom prostranstve v anglijskom yazyke // Vestnik TGPU (TSPU Bulletin). 2011. № 9 (11). S. 74–78.
3. *Dal' V.I.* Poslovitsy russkogo naroda. M.: Astrel', 2005. 735 s.
4. *Karasik V.I.* Lingvokul'turnaya stilistika russkikh i kitajskikh allegorij // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. st. / pod red. N.V. Ufimtsevoj, V.V. Krasnykh, A.I. Izotova. M.: MAKС Press, 2010. S. 83–95.
5. Kratkij kalmytsko-russkij slovar' glagol'nykh frazeologizmov / sost. G.Ts. Pyurbeeve. Elista: Kalmytskij NIIYaLI, 1971. 60 s.
6. *Pavlovskaya A.* Osobennosti natsional'nogo kharaktera, ili Za chto anglichane lyubyat ocheredi // Vokrug sveta. 2003. № 6. URL: <http://double-decker.ru/english-character> (data obrashcheniya: 26.02.2019).
7. Poslovitsy, pogovorki i zagadki kalmykov Rossii i ojratov Kitaya / sost., per. B.Kh. Todaeva. Elista: ZAO NPP "Dzhangar", 2007. 839 s.
8. *Khaninova R.M.* Obraz verblyuda v kalmytskoj teme V. Khlebnikova // Novyj filologicheskij vestnik. 2018. № 2 (45). S. 167–175.
9. *Shchepanskaya T.B.* Kul'tura dorogi v russkoj miforitual'noj traditsii XIX–XX vv. M.: Indrik, 2003. 528 s.
10. *Mieder V.* Twisted Wisdom, Modern Anti-Proverbs. Vermont, 1998. 396 p.